

кона единенія, къ которому стремится все». Отсюда выводитъ онъ это неодолимое безпокойство души, жаждущей устранить то, что нарушаетъ великое единеніе живыхъ въ мірѣ, и отстраняющей всякое личное дѣло. Душа требуетъ этого потому, что именно это ея дѣло, къ которому она, по увѣренію мыслителя, призвана самой природой своей. Въ этомъ она живетъ, этимъ питается и растетъ. «Нельзя дѣлать добрыхъ дѣлъ, увеличивающихъ любовь, безъ того, чтобы не увеличить свой талантъ, свою душу, и нельзя увеличивать любовь въ душѣ безъ того, чтобы не дѣлать добра людямъ, увеличивая въ нихъ любовь. Одно зависитъ отъ другого».

Чѣмъ постигается правда сдѣланнаго, откуда увѣренность, что это именно то, что нужно? Толстой отвѣчаетъ аргументомъ отъ чувствъ : «Душа знаетъ о своей правотѣ радостью».

Законъ любви и служенія людямъ приводитъ его въ восторгъ, рационализмъ и догматикъ въ немъ окончательно уничтожаются и онъ, какъ музыку, слушаетъ слова молитвы, благословляющей Бога за этотъ даръ-законъ: «Славлю Тебя Отче, Господь неба и земли, что ты утаилъ сіе отъ мудрыхъ, разумныхъ и открылъ намъ, младенцамъ»... Высшимъ пунктомъ Евангельскихъ откровеній считаетъ онъ великій призывъ Христа къ обремене-